

СЕРДЦА И ОСТРЫЕ УМЫ

КЛАССИКИ

О ТВОРЧЕСТВЕ

Мир, Россия, 1984, Бичово, №27

Генрих МАНН

(К 75-летию)

Среди немецких писателей, поставивших своей задачей не только отразить в своих книгах наш век, но и изменить его благодаря своим книгам, он самый большой.

В начале века, когда во всем мире властвовал чистой воды высокомерный эстетизм, он не испугался сделать свои книги политическим инструментом, не отступая ни на йоту от высоких требований к своему искусству. Один из сборников его рассказов называется «Флейты и кинжалы», флейтами и кинжалами являются все его книги.

В его ранних книгах, в его «Богинях», в «В погоне за любовью» преобладает еще восхищение эстетикой, в последующих же все уравновешено. «Учитель Гнус» и «Верноподданный» словно целиком окрашены ядовитозеленой краской издевки над временем, но, независимо от этого, люди и события даны во всей полноте и целостности и настолько интересны сами по себе, что «Учитель Гнус», весь яд из которого был выцеден, смог стать основой для «Голубого ангела»¹. С

Лиону Фейхтвангеру, одному из крупнейших немецких писателей-гуманистов XX века, убежденному антифашисту и большому другу нашей страны, исполнилось бы 7 июля 100 лет.

Обладая особой писательской прорливостью, он был едва ли не первым среди больших мастеров культуры, указавших на тлетворное семя нацизма, зрешее в действительности послевоенной Германии, и роман «Успех», в котором он с такой пронзительной силой выразил свое отношение к «коричневой опасности», стал его огромным успехом — гранд-данским и литературным. Затем последовали такие романы, как «Семья Оппенгейм» и «Изгнание», эту славу

укрепившие и сделавшие его имя известным во всем мире.

С приходом гитлеровцев к власти книги Фейхтвангера сжигались и запрещались, а сам он был лишен прав гражданства. Находясь в эмиграции, Фейхтвангер ведет активную политическую и литературную деятельность, организует газеты и журналы. В годы войны горячо приветствует успехи Красной Армии, героическую борьбу советского народа.

Советский читатель давно полюбил романы Лиона Фейхтвангера о великих гуманистах и художниках прошлого: о Гойе и Руссо, Бомарше и Франклинне, и каждое новое поколение заново открывает их для себя. Неоднократно издавались у нас и его пьесы.

ко этим — великим романом, блистательными речами, статьями и автобиографией, в которых он запечатлел дух и смысл времени, этого, наверно, было бы довольно: написание произведения подобной силы во время, столь пошлое, изнуряющее и чреватое любыми бедами, требует величия и особых усилий. И так, если бы в эти годы Генрих Манн не проявил себя ничем, кроме создания этих произведений, ни одно время не отказало бы ему в имени великого человека. Но он совершил больше: он и жил как великий человек.

Когда положение во Франции обострилось, когда преследователи уже настигли нас, когда руки наших злейших врагов едва не схватили нас и когда пришлось принимать жизненно важное решение в считанные минуты, Генрих Манн показал себя, как никто другой.

Все мы тогда жили жизнью невероятной, полной приключений. Генриха Манна удалось переправить в Марсель. И там, значит, в доме, где я укрывался и жил в условиях, которые должны были смутить его и объяснять которые не было времени, я с ним и встретился. Мне пришлось торопливо, в самых общих очертаниях рассказать ему об одном авантюрном проекте бегства, требовавшем предельного напряжения всех душевных и физических сил от человека, который согласился бы бежать подобным образом.

Мне пришлось спросить тогда шестидесятидвухлетнего Генриха Манна:

«Готовы ли вы бросить все, что у вас есть, на произвол судьбы, взять на плечи рюкзак с самым необходи-

Несколько меньше известны мы в публицистике Лиона Фейхтвангера. А ведь он выступал и как публицист, как автор театральные рецензий, исторических и литературно-критических статей и памфлетов. В этих своих произведениях он раскрывается как писатель и человек не меньше, а иногда, может быть, и отчетливее, чем в романах. Говоря от своего имени, Фейхтвангер прямо высказывает о том, что ему близко и что ненавистно, что он ценит и что отвергает.

Сегодня «Литературная Россия» предлагает вниманию читателей три эссе Лиона Фейхтвангера, посвященные людям, которые были ему близки на протяжении всей его жизни.

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

другой стороны человек, не лишенный слуха, услышит голос поэзии, звучащий в его книгах, его очарует гармония построения «Маленького города», музыка, пронизывающая каждое предложение книги, но за этим стоит объявление войны времени, отупевшему и мертвому, если не считать того короткого в нем промежутка, когда оно встряхивается событием чрезвычайным.

Генрих Манн предвидел события в Германии последнего десятилетия раньше и острее всех нас. Он изобразил их, начиная с истоков, задолго до того, как они стали действительностью. Когда затем пал глубокий мрак и все изменилось совершенно неожиданным для нас образом, когда во всем мире произошли перемены и перевороты странные и чудовищные, многие из нас потеряли голову и поддались панике. Ничто не могло заставить потерять голову Генриха Манна. Он был непоколебим в своих убеждениях, убеждениях великого сердца и острого ума.

История делает зигзаги, история выбирает кружные пути. У истории времени вдоволь. А у человека времени меньше. Если он хочет прожить большую жизнь и оставить после себя значительные произведения, он себе таких отклонений позволить не может. Вот почему Генрих Манн всегда следовал одной линии, прямой, последовательной линии воинствующего гуманизма.

Все мы слышали его потрясающие речи, исполненные жгучей ненависти, читали их — в них он издевается над варварством, обвиняет его и запечатлевает для последующих поколений. Мы часто видим, как посмеиваются над незначительностью влияния, оказываемого литературой, причем с особой охотой это делают сами писатели. Я убежден, что «литература» Генриха Манна такое влияние оказала, влияние, которое история узнает и признает. И не случайно в эти решающие годы именно на него с особой силой обрушивалась как пресса нацистов, так и пресса Виши. С горькой улыбкой на устах вспоминаю я об одной статье в газете Виши, в которой мы, эмигранты, обвинялись главным образом в падении Франции, и Генрих Манн, «le vieux coquin», старый забияка, был упомянут на первом месте. Так что по крайней мере нацисты и французские фашисты признавали, что его деятельность и его влияние имеют достаточный вес.

Но не следует думать, будто в годы изгнания Генрих Манн занимался исключительно разоблачением того, что было в нашем времени злом, что было гибельным. Отнюдь. Мордам «фюреров», окружившим нас, он противопоставил образ истинного вождя, он показал себя не только человеком, способным на огромную ненависть, но и человеком, способным на великое восхищение и великую любовь, в прекрасном и мощном романе-гобелене он воссоздал жизнь и дела вождя истинного. Со всей искренностью большого сердца и светоносной силой пронзительнейшего ума он сотворил для нас и для потомков портрет Генриха IV, короля Франции, портрет настоящего вождя. Помимо того, в рамках этого огромного по своему значению романа он написал самую сильную и самую прекрасную историю любви, которую только написал немец в нашем веке, историю романтической и жизненной любви этого Генриха к Габриэль д'Эстре.

Соверши Генрих Манн в годы изгнания лишь то о чем я до сих пор сказал, если бы он ограничился толь-

мым, пройти за ночь 30 километров по дорогам и тропинкам, где ходить запрещено, а потом сесть в сомнительной надежности моторную лодку? Эта моторная лодка, постоянно подвергаясь опасности быть задержанной немецкими или итальянскими судами, после семи или десяти дней ходу — по оценке капитана — обогнет Испанию и доставит нас в Португалию. Согласны ли вы, Генрих Манн, принять в этом участие?»

Другие, поставленные перед этим выбором, пугались, колебались, не в силах решиться. Шестидесятидвухлетний Генрих Манн согласился, ни секунды не раздумывая. Потом нам довелось принимать еще целый ряд подобных решений. Мы оказывались в разных ситуациях, то опасных, то смехотворных, в ситуациях, преодолевать которые мы вовсе не были подготовлены нашим воспитанием. Мне никогда не забыть естественности, того в высшей степени достойного поведения, которое не в пример многим другим продемонстрировал тогда Генрих Манн во всех этих ситуациях.

Позднее в стране, где он сейчас живет,² ему пришлось вынести много несправедливостей, столкнуться с разными превратностями судьбы, трагическими и трагикомическими.

Я счастлив, что близко знал Генриха Манна; я свидетель того, как он прошел через все это, сдержанный, корректный, не идущий ни на малейший компромисс. И как все эти мелкие люди, пристававшие к нему, оказались бессильны вывести его из себя.

В эти годы изгнания Генрих Манн еще вырос. Он, человек семидесяти пяти лет, воздвигает великое здание жизни и творчества.

1946 г.

¹ «Голубой ангел» — фильм Эрнста фон Штрогейма (1929 г.).